

О. Н. Борох

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ ДИСКУССИЙ 1957 г.

Изменение траектории социально-политического развития Китая после 1949 г. оказало глубокое воздействие на весь комплекс общественных наук, включая экономическую науку. В начале 1950-х годов развернулось широкое заимствование советских научных работ и учебников, создавалась унифицированная база для исследования и преподавания политэкономии. Наибольшее влияние на экономическую науку КНР оказали увидевший свет в 1952 г. перевод работы И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [1] и опубликованный в 1955 г. перевод советского учебника политэкономии [2].

В первой половине 1950-х годов китайские исследователи не пытались открыто поставить под сомнение советский опыт, их усилия были сосредоточены на выявлении особенностей экономики Китая. Стимулом для обсуждения недостатков официальной политэкономии стала провозглашенная китайскими властями в 1956 г. политика «расцвета ста цветов и соперничества ста школ». Высшей точки свободные дискуссии достигли весной 1957 г., когда около месяца в Китае звучали критические выступления интеллигенции по широкому кругу проблем.

Инициатором переосмысления положения в экономической науке стал профессор экономического факультета Пекинского университета Чэнь Чжэньхань, принадлежавший к Демократической лиге — политической партии, действовавшей в качестве союзницы правящей Компартии под ее руководством. В 1929–1936 гг. он учился в Нанькайском университете (г. Тяньцзинь), занимавшем в республиканском Китае лидирующие позиции в области экономической науки. Докторскую степень Чэнь Чжэньхань получил в Гарвардском университете в 1940 г. за исследование хлопкопрядильной промышленности в США, во время войны с Японией он вернулся в Китай для продолжения научной и преподавательской работы.

Еще в 1956 г. Чэнь Чжэньхань заявил, что догматизм сделал официальное обществоведение «бесполезным», и призвал уделять больше внимания ценным элементам «буржуазных» наук. Он также заметил, что китайская интеллигенция трудится на пределе своих возможностей, поскольку вынуждена тратить силы на общественную работу, идеологическую учебу и участие в кампаниях перевоспитания в ущерб научным исследованиям. Призыв к ориентации на уровень мировой науки Чэнь Чжэньхань обосновал ссылкой на отсталость общественных наук в СССР, отмечая, что в советском учебнике политической экономии «в части о социализме нет теории, она пустая»

Ольга Николаевна БОРОХ — канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (г. Москва). Окончила социально-экономический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ. Сфера научных интересов — история китайской экономической мысли XX в., современная китайская экономическая наука. Автор более 70 научных публикаций.

© О. Н. Борох, 2011

(цит. по: [3, с. 649]). Он усомнился в научной состоятельности советской политэкономии и ее пригодности для решения практических задач экономического строительства, полагая, что за четыре десятилетия в СССР вместо экономистов были подготовлены лишь преподаватели-пропагандисты и защитники социализма (см.: [3, с. 385]).

В мае-июне 1957 г. Чэнь Чжэньхань несколько раз обсуждал ситуацию с коллегами по факультету Ло Чжижу и Сюй Юйнанем (оба также были членами Демократической лиги Китая). Ло Чжижу получил степень доктора экономики в Гарварде, а Сюй Юйнань — в Кембриджском университете. Во второй половине 1940-х годов Сюй Юйнань начал переводить на китайский язык «Общую теорию занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса. Участниками обсуждения были еще три экономиста, также принадлежавшие демократическим политическим партиям, — заместитель министра почты и телеграфа Гу Чуньфань, заместитель директора Института экономики Академии наук У Баосань, получивший докторскую степень в Гарвардском университете, и проректор школы кадров главного управления Народного банка Китая Нин Цзяфэн (магистр экономики Лондонского университета). Совместно они подготовили несколько вариантов текста, озаглавленного «Наши некоторые мнения относительно современной работы в экономической науке» [4, с. 123–133], который был предназначен для публикации в газете «Гуанмин жибао», ставшей весной 1957 г. трибуной для выражения критических мнений и новых идей. Авторы не успели обнародовать «Мнения...» во время непродолжительного периода открытых дискуссий. В качестве «негативного материала» несколько вариантов текста, в том числе исключенные авторами фрагменты, были опубликованы в ведущем академическом экономическом журнале «Цзинци яньцзю» и впоследствии перепечатаны в сборниках материалов по критике взглядов «правой» интеллигенции [3, с. 778–789].

Шесть экономистов о недостатках официальной политэкономии

Авторы «Мнений...» заявили, что работа китайских экономистов приобретает особую практическую важность, поскольку классики марксизма-ленинизма не оставили готовых планов создания социалистической экономики, которые подходили бы для всех стран и народов. Хотя после образования КНР достигнуто немало успехов, многие результаты были получены в процессе поисков, при этом недостаточное знание объективных экономических законов вело к тому, что в сферах экономики и финансов «заимствовали готовые советские решения или же обращались к старому опыту». В черновике первого варианта «Мнений...» упреки в адрес экономической политики государства были более резкими — перенос советского опыта был назван «слепым», утверждалось, что Китай шел по пути «проб и ошибок», в этом процессе проявлялся «субъективизм, действовали вслепую, не следовали объективным экономическим законам, да и не знали, какие есть законы, которым можно следовать» [4, с. 123].

Причину неудач авторы «Мнений...» увидели в отрыве экономической практики от экономической науки, которая «фактически остановилась на младенческом этапе, кроме догматического переноса некоторых вещей из советского учебника в ней присутствует описание некоторых имеющихся институтов». Многие китайские экономисты ощущают «самоунижение», у них «подавленное настроение», некоторые из них считают экономическую науку «бесполезной». Источник этих пессимистических настроений коренится в том, что «большая часть работников экономической науки оторвана от практики, не владеет достаточными исследовательскими материалами, а в области идей долгое время скована догматизмом» [4, с. 129–130].

В «Мнениях...» отмечалось, что «эмпиризм отрицает науку», поскольку экономические работники партийных и государственных структур Китая пренебрегают экономической наукой, видят в ней лишь «бремя и нагрузку, а сами считают себя раздающими подачки и даже владыками» [4, с. 127]. Экономические ведомства не стремятся к сотрудничеству с «буржуазными» профессиональными экономистами, а те, в свою очередь, не имея перед собой практических задач, могут заниматься лишь комментированием текстов и «игрой понятий». Авторы заявили, что «настало время для устранения границ между новым и старым, для укрепления сплоченности партийных и беспартийных работников экономической науки» [4, с. 132]. В качестве отдельной проблемы, влияющей на развитие экономической науки в КНР, было выделено неоправданное засекречивание чиновниками экономической информации. В «Мнениях...» содержался призыв открыть данные по объемам банковских вкладов, кредитов и эмиссии, поскольку доступность этих сведений поможет исследователям точнее уяснить положение в экономике и сформулировать предложения для властей [4, с. 128].

Сославшись на провозглашенный в Китае в период «ста цветов» тезис об изучении идеалистических течений для последующей критики с позиций официальной идеологии, авторы «Мнений...» указали, что в экономических кругах уже развернулась работа по ознакомлению с «важными буржуазными экономическими учениями, такими как кейнсианство» [4, с. 127]. Например, в Пекинском университете в 1956 г. читали курс по кейнсианству [5, р. 365]. «Это делается для того, чтобы понять и критиковать, но еще никто не поставил такого вопроса: можем ли мы также впитать из этих учений некоторые полезные концепции и методы анализа? Например, “теория мультипликатора” Кейнса — это только математическое понятие, можно ли использовать его для анализа эффективности наших инвестиций? Или есть ли в часто используемых вульгарной экономической наукой “концепциях предельных величин” польза как в аналитических инструментах?» [4, с. 127]. Также было указано на возможность применения в КНР методов и концепций «буржуазной статистики», в частности выборочного метода.

Авторы «Мнений...» считали, что из-за чрезмерного акцента на классовой природе знаний, когда «траву и кустарник принимают за солдат» и повсюду мерещатся враги, буржуазные учения отбрасывают еще до соприкосновения с ними. Во втором варианте текста упоминания об использовании в Китае конкретных западных экономических учений, включая кейнсианство, были сняты. Однако сохранились общие вопросы о возможности критического заимствования методов современной буржуазной экономической науки и ее отдельных аспектов, отразивших, «пусть даже с искажением», реальное положение современного капитализма [4, с. 133].

Другой проблемой для развития экономической науки в Китае было названо распространившееся стремление рассматривать каждую фразу классических произведений марксизма как «драгоценный закон», когда становится возможным лишь слово за словом излагать их наизусть или комментировать наподобие ценимых в китайской культурной традиции древних текстов [4, с. 133]. Авторы отмечали, что многие классические марксистские работы были созданы столетие назад, в них есть лишь предвидение общей тенденции, но нет конкретных прогнозов для современности — об этом свидетельствует пример революции в России, где не было развитого капитализма. Тем не менее в Китае годами никто не осмеливался открыто усомниться ни в одном из положений классиков [4, с. 128].

В «Мнениях...» подчеркивалось, что в марксизме есть вопросы, о которых избегают говорить: «Например, надо ли объяснять покупательную способность (стоимость) денег стоимостью золота, происходит ли непрерывно снижение реальной зар-

платы рабочего класса при капитализме, является ли неизбежным увеличение доли резервной армии труда» [4, с. 133]. Также было отмечено, что в китайских вузах программа преподавания политэкономии капитализма повторяла структуру «Капитала», и данный раздел считали «самым завершенным». Однако, по мнению авторов текста, изложение материала, которое начинается с полностью абстрактной концепции двойственной природы товара, противоречит движению познания от конкретного к абстрактному. Это мешает усвоению экономической науки, но никто не задумывается о том, чтобы изменить в учебниках последовательность изложения раздела о капитализме.

Борьба против «буржуазной реставрации» в экономической науке

Летом 1957 г. китайские власти развернули широкомасштабную кампанию против «правых», нацеленную на критику прозвучавших во время периода «ста цветов» призывов к переменам в области политики и идеологии. Частью этой кампании стало «движение за предотвращение реставрации буржуазных общественных наук», главной мишенью которого были попытки представителей интеллигенции реабилитировать социологию, политологию и другие дисциплины, упраздненные в ходе проведенной властями в начале 1950-х годов реструктуризации вузовских курсов. Особое внимание было уделено критике «Мнений...» как теоретического обоснования восстановления позиций «буржуазной» экономической науки.

С доказательствами невозможности использования в КНР западной экономической мысли, в первую очередь кейнсианства, выступили авторитетные ученые. Среди них был Фань Хун, возглавлявший экономический факультет Пекинского университета. Еще в 1939 г. во время обучения в Кембриджском университете он критиковал Кейнса с марксистских позиций. В 1957 г. Фань Хун заявил, что основные понятия и методы «Общей теории занятости, процента и денег» могут использоваться лишь для подрыва социалистического строительства и попыток реставрировать капитализм, поскольку они нацелены на отрицание превосходства социализма, равно как и марксистских концепций прибавочной стоимости и обнищания рабочих. Ученый подчеркнул, что выдвинутые Кейнсом теории являются классическим примером «мошенничества», используемого капиталистическими магнатами для обмана рабочего класса [3, с. 411]. Был сделан вывод, что исходящий из субъективных желаний монополистических капиталистов метод моделей Кейнса коренным образом отличается от научного метода абстракции Маркса, опирающегося на объективную реальность.

Специалист по денежно-финансовым проблемам Дин Гу, имевший многолетний опыт работы в банковской сфере, заявил, что много раз читал «Общую теорию...» и в прошлом сам был «отравлен» учением Кейнса [3, с. 682]. Он подчеркнул, что с помощью мультипликатора Кейнс стремился доказать, что развитием капиталистической экономики можно управлять. Дин Гу процитировал Сюй Юйнаня, заявившего в одном из публичных выступлений, что кейнсианство позволяет предотвратить кризис и приостановить инфляцию, и сравнившего Кейнса с искусным врачом, которого «можно обвинять в том, что он не использует свое искусство для лечения молодого человека, а идет лечить старого помещика-злодея» [3, с. 682]. Однако Китаю, где экономика развивается по плану и пропорционально, такой врач не нужен, поскольку в стране никогда не будет экономического кризиса, а «хорошему человеку вообще не надо делать укол морфия». Дин Гу заметил, что в КНР производство не стихийно, отсутствует мотив капиталистической прибыли, а временная частичная несбалансированность спроса

и предложения средств производства или предметов потребления может быть урегулирована с помощью больших складских запасов. «Позвольте спросить, откуда возьмется непрерывное взаимовлияние инвестиций и потребления, о котором идет речь в “теории мультипликатора”»? [3, с. 685].

Другие экономисты также указали на неприемлемость мультипликатора в китайских условиях. У Баньнун из Академии наук Китая, получивший степень магистра в Колумбийском университете, подчеркнул связь этого понятия с теорией занятости Кейнса в целом. Приняв мультипликатор, придется также принять концепции предельной склонности к потреблению и предельной склонности к накоплению, а также другие выдвинутые Кейнсом идеи. Но это уже не технический вопрос, поскольку речь идет об угрозе реставрации в Китае буржуазной экономической теории в ее целостном виде. Поскольку в социалистических странах инвестиции, развитие производства, снабжение предметами потребления и распределение рабочей силы осуществляются в соответствии с планом, мультипликатор для анализа эффекта инвестиций попросту не нужен [3, с. 419].

Сян Чун из Народного университета Китая заметил, что, будучи привязанной к динамике, основанной на субъективных желаниях предельной склонности к потреблению, концепция Кейнса противостоит Марксовой теории расширенного воспроизводства [3, с. 424–425]. Тем не менее Сюй Юйнань предлагает для решения проблемы безработицы в социалистическом государстве учитывать роль, которую при государственном инвестировании может сыграть мультипликатор. Но социалистическая экономика опирается на закон планомерного пропорционального развития, в соответствии с которым разрабатывается народнохозяйственный план. Плановые инвестиции государства не могут привести к стихийному увеличению дохода и занятости и тем самым стихийно способствовать развитию производства, как об этом писал Кейнс. По мнению критика, при социализме безработица все равно будет уничтожена, а тезис Сюй Юйнаня лишь смешал границы двух различных систем [3, с. 425].

В «Мнениях. . .» ставился вопрос и о применимости предельного анализа из «вульгарной экономической науки». У Баньнун заявил, что замена средних величин на предельные может привести к отрицанию марксистской политэкономии и реставрации буржуазной науки. «Если заработная плата равна предельному продукту труда, тогда полностью отрицается самая основная теория марксистской политэкономии о том, что при капиталистическом строе рабочие подвергаются эксплуатации» [3, с. 420]. Сян Чун предположил, что упоминание о предельном анализе указывает на разработанную У. С. Джевонсом и австрийской школой теорию предельной полезности. Она не только противостоит марксистской трудовой теории стоимости, но и пытается с помощью концепции «редкости» скрыть упадок капитализма и явление эксплуатации. Поскольку концепция мультипликатора Кейнса противостоит сформулированному Марксом закону капиталистического накопления и теории расширенного воспроизводства, а предельный подход — трудовой теории стоимости, невозможно согласиться с предложением авторов «Мнений. . .» рассматривать имеющие классовый характер теории как «метод анализа» или «технику» [3, с. 426–427].

Склонность к осуждению австрийской школы как средоточия заблуждений «вульгарной политэкономии», оказывающей пагубное влияние на развитие экономических знаний в Китае, сформировалась у китайских марксистов еще в 1930–1940-е годы [6, с. 53–54]. Эта тенденция проявилась и в 1957 г. Чэнь Цзигуан критиковал авторов «Мнений. . .» за попытку поставить новейшие успехи вульгарной экономической науки выше марксистского анализа, который начинается с самого простого фактора — това-

ра. Внешне они выступили лишь против использования в учебниках политэкономии логической последовательности «Капитала». Однако по сути авторы «Мнений...» выдвигают буржуазные теории предельной полезности, предельной производительности, предельного замещения, желая подменить ими строящиеся на «средних величинах» концепции марксизма. Критик напомнил, что еще со времен маржиналистской революции и появления австрийской школы предельный анализ использовался для выступлений против марксизма и трудовой теории стоимости, постольку для доказательства того, что при капитализме нет эксплуатации [3, с. 430].

Авторитетный теоретик-марксист Ван Янань указал, что прецедент унаследования марксистской политэкономией достижений буржуазной экономической науки в виде учений о трудовой стоимости и классовом противостоянии относится лишь к прогрессивному этапу развития капитализма. Теперь современная буржуазная экономическая наука отбросила эти учения, она проповедует идеализм, теории предельной полезности и классовой гармонии, поэтому призывы авторов «Мнений...» критически использовать эту науку для развития марксистской политэкономии и служения социалистическому строительству свидетельствуют о непонимании ими марксизма. В частности, попытка Сюй Юйнаня с помощью «Общей теории...» Кейнса дополнить «устаревший» марксизм показывает, что тот не только не понимает «Капитала», но и не слишком разбирается в «Общей теории...» [3, с. 633–634].

Споры о применимости кейнсианства в условиях социалистического планирования развернулись в переломный момент в развитии экономики КНР. В первой половине 1950-х годов частная экономика существовала вместе с государственной, и в этом контексте еще было возможным обсуждение использования в китайских условиях теоретических концепций рыночной экономики. Однако авторы «Мнений...» недооценили решимость властей к ускорению строительства социалистической экономики. На следующий год после дискуссии, в 1958 г., в КНР начался мобилизационный «большой скачок», лишивший смысла вопрос о применении современных западных теорий при разработке экономической политики.

Дискуссия 1957 г. в контексте становления современной китайской экономической мысли

После кампании критики Чэнь Чжэньханя объявили «правым буржуазным элементом», понизили в должности и зарплате, лишили права писать научные труды и читать лекции. Его перевели в учебный кабинет экономического факультета Пекинского университета для переводческой работы и обработки материалов на английском языке. Ученый прошел через «трудовое перевоспитание» в период «культурной революции». В годы реформ с него сняли ярлык «правого элемента», уже на склоне лет ему удалось создать школу изучения экономической истории в Пекинском университете. Чэнь Чжэньхань умер в 2008 г. в возрасте 95 лет [7, с. 415–416].

Тяжело заболевший Сюй Юйнань ушел из жизни в 1958 г., его перевод «Общей теории...» Кейнса переиздается в Китае и поныне. Ло Чжижу не был объявлен «правым», но ему пришлось отказаться от изучения проблем, связанных с экономической политикой. Перестав публиковать научные статьи, в 1960-е годы он участвовал в подготовке материалов для курса по критике современных буржуазных экономических учений в Пекинском университете. У Баосань (умер в 1999 г.) также сменил сферу исследований, занявшись историей китайской и западной экономической мысли, в годы реформ он приложил значительные усилия для развития этих научных направлений. Гу Чуньфань и Нин Цзяфэн ушли из жизни в первые годы реформ — в 1979 и 1980 гг.

Шести экономистам не удалось добиться поставленных целей. После 1957 г. идеологическое давление на экономические исследования лишь возросло, к полному отрицанию экономической науки капиталистических стран вскоре добавилось негативное отношение к советской политэкономии, объявленной проводником идей «современного ревизионизма». Интеллектуальная самоизоляция превратила политэкономия КНР в «политическую науку, науку комментирования или защиты ошибочного политического курса» [8, с. 92–93]. Отношение к «буржуазным» профессорам с дипломами иностранных университетов стало еще более настроженным. Однако китайская специфика проявилась в том, что жесткая критика не сопровождалась чрезмерно жестокими репрессиями. Профессиональные экономисты были лишены возможности преподавать и вести исследования, но они остались при факультетах как переводчики и консультанты. Их присутствие помогало сохранить представления о научных стандартах и важности изучения зарубежных экономических теорий, что стало одним из факторов быстрого развития экономической науки в КНР в годы реформ.

Изучение материалов дискуссии 1957 г. помогает глубже понять процессы становления современной китайской экономической мысли. «Мнения...» отразили восприятие официальной политэкономии и механизмов взаимодействия власти и науки профессиональными экономистами, получившими образование на Западе, а также обладавшими опытом научной и практической работы в республиканском Китае. Выступления их оппонентов тоже заслуживают внимательного изучения, поскольку наряду с поверхностными политическими обвинениями в них присутствовали теоретические аргументы, а в кампании критики участвовали ведущие китайские ученые того времени. Среди выступивших с осуждением «Мнений...» были экономисты, которые через два десятилетия обрели известность благодаря своему вкладу в разработку теории реформ, — Сюэ Муцяо, Сунь Ефан, Ян Пэйсинь и др.

В наши дни китайские ученые стремятся создать целостную картину развития экономической мысли в Китае с начала XX в. Они ищут в периоде централизованной плановой экономики 1950–1960-х годов то, что может оказаться созвучным современной ситуации. Взгляды, которые в тот период носили маргинальный характер, но были связаны с профессиональной экономической наукой, теперь воспринимаются как часть мейнстрима и преддверие современного этапа в развитии научных исследований. Содержание выступления шести экономистов остается актуальным в современном Китае, где ученые спорят о связи экономической теории и практики, о пределах заимствования достижений западной экономической науки, а также о месте марксизма и марксистов в системе преподавания экономической теории. Показательно, что «Мнения...» были включены в изданную в 2005 г. антологию классики китайской экономической науки за сто лет [9, с. 398–412].

Авторы «Мнений...» призвали не отвергать целиком современную западную экономическую науку и не копировать слепо советские разработки. Сходные тезисы были высказаны и поддержаны основным течением в экономической науке КНР в 1980-е годы, когда критика «советской парадигмы» разворачивалась на фоне поиска полезных элементов западного опыта ради их использования в интересах Китая. В те же годы возобновилось обсуждение применимости в китайских условиях идей Кейнса, которое продолжается и поныне. В наши дни китайские ученые уделяют значительное внимание проблеме адаптации зарубежных теорий к условиям Китая. И в этом контексте споры 1957 г. о возможности дополнения марксизма западными экономическими концепциями могут быть истолкованы как элементы развернувшегося еще в первой половине XX в. поиска путей китаизации мировой экономической науки.

Литература

1. *Sidalin*. Sulian shehuizhuyi jingji wenti. Beijing: Renmin chubanshe, 1952. (*Сталин*. Экономические проблемы социализма в СССР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1952. 76 с.)
2. Zhengzhi jingjixue jiaokeshu. Beijing: Renmin chubanshe, 1955. (Учебник политической экономии. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1955. 677 с.)
3. Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji). Beijing: Kexue chubanshe, 1958. (Бороться против реставрации буржуазных общественных наук. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1958. Вып. 2. 789 с.)
4. Women dui dangqian jingji kexue gongzuo de yixie yijian / Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng // Jingji yanjiu. 1957. N 5. (Наши некоторые мнения относительно современной работы в экономической науке / Чэнь Чжэньхань, Сюй Юйнань, Ло Чжижу, Гу Чуньфань, У Баосань, Нин Цзяфэн // Цзинци яньцзю. 1957. № 5. С. 123–133.)
5. *Trescott P.* Jingji Xue: The History of the Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950. Hong Kong: The Chinese University Press, 2007. 442 p.
6. *Борох О. Н.* Освоение достижений мировой экономической мысли в Китае в 1920–1940-е годы // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М. Л. Титаренко. М.: ФОРУМ, 2009. С. 42–58.
7. *Wang Shuguang.* Huiwang cangmang suiye—Chen Zhenhan xiansheng de rensheng yu xueshu // *Chen Zhenhan*. Bulüji: Chen Zhenhan wenji. Beijing: Beijing daxue chubanche, 2005. (*Ван Шугуан*. Вспоминая долгие годы — жизнь и научное творчество Чэнь Чжэньханя // *Чэнь Чжэньхань*. Сборник пройденного пути: сб. ст. Чэнь Чжэньханя. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. С. 402–421.)
8. *Zhong Xiangcai.* 20 shiji Zhongguo jingji sixiang shulun. Shanghai: Dongfang chubanzhongxin, 2006. (*Чжун Сянцай*. Изложение китайской экономической мысли XX в. Шанхай: Дунфан чубань чжунсинь, 2006. 512 с.)
9. Zhongguo jingjixue bainian jingdian. Zhong juan: 1949–1978 / Wang Zhenzhong zhubian. Guangzhou: Guangdong jingji chubanshe, 2005. (Классика китайской экономической науки за 100 лет / гл. ред. Ван Чжэньчжун. Гуанчжоу: Гуандун цзинци чубаньшэ, 2005. Т. 2 (1949–1978). 939 с.)

Статья поступила в редакцию 31 марта 2011 г.